

«СТАРЫЕ ИНОЗЕМЦЫ» В ЭПОХУ СМУТЫ

Эпоха Смуты – период, когда резко усилились как иммиграционные, так и эмиграционные процессы. Отсутствие границ и контроля верховной власти создало возможность беспрепятственного въезда для иноземцев. Большинство из них попадали в Россию в составе польской и шведской армий. Но к началу XVII в. в России уже существовала страта (или «чин» в терминологии русских документов) «служилых иноземцев», окончательно сложившаяся в правление Ивана Грозного (ее основу составили ливонские пленники)¹. Для «служилых иноземцев» создавались зоны компактного поселения, разрабатывались специальные законы. Иноземцы обладали религиозной свободой и имели ряд правовых преимуществ по сравнению с русскими подданными. Подавляющее большинство из них являлись военными и находились в ведомстве Панского приказа (в XVII в. переименованного в Иноземский). Иммигранты, осевшие в России при Иване Грозном, Федоре Ивановиче и Борисе Годунове, к началу XVII в. считались «старыми иноземцами». В их число входили потомки вассалов ливонских рыцарей – Энгельгардты, Фонвизины (фон Визин), Фамендины, Врангели, Ниротморцевы, а также менее родовитые Отмустовы, Гинцовы, Швартовы и др.

«Выведенцы» второго поколения и иммигранты времен Бориса Годунова часто становились толмачами и переводчиками Посольского приказа. До Смуты в штате Посольского приказа служили Еремей Еремеев Вестерман, Петр Еремеев Брант, Елисей Павлов, Анц (Ганс) Бракилев, Анц (Ганс) Арпов, Иван Рихтер, Павел Томасов, Олферий Северов, Михаил Юрьев, Иван Фомин (Алмазенов), Бажен Иванов². В страту служилых иноземцев также входили ювелиры, оружейники, мастера каменного дела и другие специалисты. В правление Бориса Годунова особое внимание уделялось иноземным купцам. Во время борьбы за Ливонию Иван Грозный активно пользовался услугами иностранных торговцев («торговые иноземцы»), в число «служилых иноземцев» их не включая. При Борисе Годунове, напротив, указом 1599 г. была создана социальная группа «московских торговых иноземцев», наделенных правами «служилых иноземцев». Царь Борис существенно расширил права принесших ему присягу ливонских коммерсантов. В юридическом отношении они обладали промежуточным – между иностранным и русским купечеством – статусом. Как и русские купцы, они имели доступ к внутренней торговле. Наравне с иностранными купцами, «московские торговые иноземцы» освобождались от посадского тягла, были подсудны лишь Посольскому приказу, а также сохраняли свободу вероисповедания. Между тем они обязаны были платить чрезвычайные подати. Купцы этой корпорации приносили присягу (в присутствии пастора) русскому монарху. Единственным отличием «московских торговых иноземцев» от «служилых иноземцев» являлось отсутствие жалованья (как денежных окладов, так и земельных дач). Но выгодная позиция (одновременное обладание льготами, предоставляемыми как русским, так и иностранным купцам) создала широкие возможности для обогащения. Все «московские торговые иноземцы», вне зависимости от категорий, причислялись к московской гостинной сотне и оказывались равными по положению русским именитым купцам. Первоначально эта страта состояла из ливонских пленников. Первыми «московскими торговыми иноземцами» оказались 15 избранных «выведенцев» из Нары и Дерпта, среди которых были Роман Бекман, Андрей Керклин, Андрей Витт, Артемий и Даниил Бракилевы, Иван Вестов, Андрей Бук, Андрей Дюкер³.

Поведение «старых иноземцев» в эпоху Смуты во многом соотносилось с поведением русских служилых людей. Смена царей и патриархов, появление лже-монархов

* **Опарина Татьяна Анатольевна**, кандидат исторических наук, доцент, заведующая отделом редких книг Государственной публичной исторической библиотеки.

порождали неуверенность и метания. Смутное время запомнилось многочисленными политическими изменами. К русским «перелетам» присоединялись иностранцы. Наемники воевали на стороне всех действовавших в России армий, переходя на сторону противника и обратно. Показателен пример бывшего подданного Священной Римской империи Иоганна-Генриха Карлоса. Этот немецкий дворянин во время войны в Венгрии попал в турецкий плен, принял ислам и османское подданство. Через некоторое время он сумел бежать в Германию. Но немецкая среда не приняла вероотступника. Запятнанная репутация заставила наемника отправиться на службу в Россию. На новой родине Карлос не менял сложившихся ко времени иммиграции жизненных принципов. Он принял православие и не менее трех раз переходил из ставки Лжедмитрия II к Василию Шуйскому, возвращаясь затем к прежнему правителю⁴. Осуждавший Карлоса Конрад Буссов сам действовал сходным образом, последовательно переходя от Лжедмитрия I к Лжепетру, а затем к Лжедмитрию II и Сигизмунду III. Подобное поведение стало типичным в Смуту. Так, наемники Ханс фон Берг и Бартольд фон Ламздорф в 1608 г. перешли от Василия Шуйского на службу к Лжедмитрию II. Пленные войсками Шуйского, они были казнены как изменники⁵. Еще одним примером может служить судьба капитана Якова Маржерета, подробно реконструированная исследователями⁶. Ливонец Юрий Смит, участвовавший в 1611 г. в походе на Москву в войске Ходкевича, ушел в лагерь I Ополчения к кн. Д.Т. Трубецкому⁷. Похожим был жизненный путь ротмистра Яна Синявского, усвоившего подобный тип поведения еще на родине. В Речи Посполитой, по его же словам, он промышлял войной, а в мирное время – набегами, разбоями, грабежами. Оказавшись в России, Синявский успел послужить всем правителям эпохи Смуты от Бориса Годунова до Михаила Федоровича⁸.

Активное участие в событиях Смутного времени принимали иностранцы, проживавшие в Ярославле. В октябре 1608 г. город подчинился Лжедмитрию II. Самозванец первоначально стремился опираться на иностранцев. Одним из них стал капитан Лоренц Бьюгов, швед, плененный Иваном IV во время Ливонской кампании. Он долгое время жил в Ярославле и прочно вошел в ярославское общество. Этому способствовало и то, что за 30 лет жизни в России он принял православие (крестильное имя – Тимофей). Буссов охарактеризовал новообращенного «перекрещенным мамелюком русской веры»⁹. Лжедмитрий II выбрал православного шведа на роль посланца к жителям города. Капитан легко справился с поручением и смог быстро убедить ярославцев присягнуть самозванцу. Богатых ярославских купцов толкнул к этому страх потерять имущество¹⁰. Наградой Бьюгову стало назначение его на должность второго воеводы Ярославля¹¹. Однако реальная власть в городе принадлежала командиру гарнизона С. Бышевичу, сразу введшему огромные поборы и организовавшему «приставства». Вскоре в Ярославле были расквартированы и роты знаменитого Александра Лисовского. Присягнув Лжедмитрию II, ярославцы оказались под мощнейшим налоговым бременем. Сборы в пользу гетмана Я. Сапеги превысили возможности жителей. Буссов замечает, что только купцы-иностранцы Ярославля были вынуждены выплатить 30 тыс. рублей.

Власть тушинцев продержалась в Ярославле около полугода. Первое (неудачное) восстание в Ярославле, по свидетельству Буссова и Петрея, было спровоцировано в декабре 1608 г. Даниэлем Эйлофом¹², распространявшим известия о Лжедмитрии II как ложном царе. Даниил Эйлоф был сыном врача Ивана Грозного Иоганна Эйлофа. Обвиненный в отравлении Ивана IV, Иоганн Эйлоф был вынужден бежать, но его сын остался в России, принял православие и занялся солеварением в Костроме. В годы Смуты он был последовательным сторонником власти Василия Шуйского, правление которого обеспечивало ему большую стабильность, нежели поборы в пользу Лжедмитрия II. Не ограничившись пропагандой, Эйлоф в своих владениях и на свои деньги собрал отряд численностью в 200 человек. Он имел опыт боевых действий, полученный в морских сражениях. Однако первая попытка земцев отбить Ярославль провалилась, участники восстания были разгромлены. «Лисовчики» огнем и мечом наказали «вероломный и клятвопреступный» город¹³. Карательная экспедиция поляков уничтожила малень-

кое войско Эйлофа и пленила его предводителя, спрятавшегося с детьми в погребе солеварни. На него был возложен штраф в размере 600 талеров, заложницами были сделаны дочери Эйлофа. Помощь солепромышленнику оказали члены иноземческого землячества Ярославля. Немец Иоганн Шмидт, сын цирюльника, бежавший в Россию во время войны со Швецией и женившийся в Ярославле на русской, ссудил Эйлофу деньги и спас девушек от бесчестья¹⁴.

Поборы тушинцев спровоцировали новое восстание в Ярославле в апреле 1609 г.; за Ярославлем последовали другие города (Углич, Кострома, Галич)¹⁵. Объединенные отряды ярославцев, костромичей, галичан напали на роты Лисовского. Горожане, присягнувшие Лжедмитрию II, вновь перешли на сторону Василия Шуйского. Согласно сказаниям о чудотворной иконе Казанской Божией матери, решиться на повторное, после поражения, выступление ярославцы смогли, лишь получив чудесное подтверждение небесного покровительства. 18 марта 1609 г. от иконы произошло явление Богородицы, обещавшей защитить город. Примечательно, что икону, похищенную поляками в конце 1608 г., вскоре вернул в Ярославль один из захватчиков – поручик тушинских отрядов Яков Любский (православный по вероисповеданию)¹⁶. Воодушевленное видением, ополчение разгромило польский гарнизон Бышевича и освободило город. Вместе с польскими отрядами бежал из Ярославля Иоганн Шмидт.

Узнав о разворачивающихся событиях, Лжедмитрий II направил для обуздания Ярославля Лисовского, находящегося на тот момент в Суздале. В последних числах апреля, осознав сложность осады, Лисовский предпринял попытку разрешить конфликт с помощью переговоров. Посланником Лжедмитрия II в восставший город был избран Иоганн Шмидт. Согласно инструкции Сапеги, немец-протестант должен был убедить горожан, среди которых он долго жил и которых хорошо знал, в необходимости прекращения мятежа и повторной присяге тушинцам. Шмидт не скупился на обещания: он говорил о наведении порядка и строгом преследовании виновных в грабежах, уверял, что «всякому притеснению придет конец и в город воеводой поставят другого знатного вельможу, которого польские солдаты будут бояться». Однако ярославцы жестоко расправились с бывшим земляком. Буссов подробно описывает трагедию: Шмидт был сварен в котле, в котором готовилось угощение – мед. После экзекуции тело было выброшено на растерзание собакам¹⁷. Скорбящей вдове не позволили собрать и похоронить останки Шмидта, а его детей обрекли на издевательства и насмешки. Виновником зверств и травли родственников Буссов называют Даниэля Эйлофа, побудившего ярославцев к страшному поступку. В ответ на расправу с послом Лжедмитрия II Лисовский организовал яростный штурм города, но сломить упорства горожан ему не удалось. Понимая бессмысленность дальнейшей борьбы, 22 мая 1609 г. полковник отвел войска от Ярославля и обрушил свой гнев на его предместья.

В грамоте, посланной 28 июня 1609 г., Василий Шуйский благодарил «собравшихся в Ярославле разных городов войска за благоуспешные действия с поляками и за храброе сопротивление, при нападении злоумышленников». Царь высказал уверенность в том, что ярославцы будут и «впредь поборать за веру и отечество общими силами, для искоренения неприятелей»¹⁸. Среди «ратателей» за «веру и отечество» числился и Даниэль Эйлоф. Судя по «скаске» внука Эйлофа, Александра Ильфова, Даниэль Эйлоф обладал «выслуженной вотчиной» в Костромском уезде. Очевидно, он «выслужил» пожалование сдачей Ярославля и убийством Шмидта. Род Эйлофа сохранил владения в Костроме и Малой Соли и после окончания Смуты. Документы Иноземского приказа 1620-х гг. содержат упоминания его многочисленных сыновей¹⁹. Имя самого Даниэля пропадает из источников. Вероятнее всего, он погиб.

Иноземское сообщество Москвы в целом также нередко меняло взгляды на истинность новых монархов. Буссов сообщает, что население Немецкой слободы Москвы после смерти Лжедмитрия I принесло присягу Василию Шуйскому, но в 1608 г. нарушило ее и подчинилось Лжедмитрию II. Например, Теннис фон Виссен (Денис Бернгов Фанвисин) предательски выдал самозванцу боярина Ивана Ивановича Годунова²⁰. Тушинский вор первоначально благожелательно относился к иностранцам на русской

службе. Однако вскоре часть иностранцев, поддержавших его, переметнулась обратно к Шуйскому, что вызвало гнев Лжедмитрия II. По его приказу католики-поляки учинили сокрушительный погром Немецкой слободы в Москве. Лишь вмешательство Марины Мнишек в 1610 г. обеспечило спасение тем, кто выказал полную лояльность ее супругу (52 человека). Остальные жители Немецкой слободы были схвачены и казнены, многие разбежались.

«Перелеты», измены и клятвопреступления порождали страх неотвратимого возмездия. Осознание шаткости своего положения толкало людей не только на политические метания, но и смену места жительства. В условиях политической стабильности «служилые иноземцы», как и русские служилые люди, не могли покинуть Россию. Принеся присягу царю, они теряли право отъезда. В период Смуты эта норма фактически перестала действовать. Смута оказалась уникальным временем, когда появилась возможность беспрепятственного выезда из России. После прекращения военных действий наемники в составе польской и шведской армий возвращались на Запад. Открытостью границ воспользовались и «старые иноземцы». Некоторые, например, Каспар Энгельгардт и Роберт Краббе, покинули Россию с польской коронной армией²¹. Другие перешли на шведскую службу. Потомки ливонских «выведенцев» переводчики Посольского приказа Анц Бракилев и Анц Арпов в Новгороде Великом вошли в администрацию Делагарди, приняв шведское подданство. Вероятнее всего, к ним присоединились Бажен Иванов и Олферий Северов. В 1617 г. покинул русское государство Павел Томасов. Детлеф фон Тизенгаузен вернулся в Ливонию, возвратив себе замок Эрлаа²². Однако часть «старых иноземцев» осталась в Московии. Мотивы такого выбора могли быть разными: отсутствие шансов обустроиться вне Московского государства, внутренняя связь со ставшей родной Россией, приверженность на последнем этапе Смуты династии Романовых.

Свой род в России продолжили балтийские дворяне Францбековы (Фаренсбах), поместья которых изначально располагались в Эзельско-Виккском епископстве в Ливонии²³. Первым на русской службе оказался Юрген Фаренсбах. Вербовка ливонских дворян, осуществленная Юргеном Фаренсбахом, запомнилась современникам. С именем этого ливонского дворянина исследователи связывают первый пример найма за границей в русскую армию иностранных подразделений²⁴. Предводитель ливонских дворян прославился в битве при Молодях. Однако верность присяге он сохранял лишь с 1570 по 1572 г., покинув войско Ивана Грозного в походе на Пайду. Позже он вернулся в Россию в качестве завоевателя в войсках Стефана Батория. Один из сыновей Юргена, Андрей, был испомещен в России, известно о его поместье в Холмецком стане Ростовского уезда. Кроме того, Андрею Францбекову (Фаренсбаху) удалось купить в 1615/16 г. у Дмитрия Евского вотчину – деревню Копнино в Бохове стане Московского уезда²⁵. Наследниками владений Андрея в Ростовском и Московском уездах стали сыновья Юрий (Юрген) и Алфер. В конце XVI в. в Елецком стане Угличского уезда был наделен поместьем «немчин» Роман Андреев Франзбек²⁶. В период Смуты он служил в роте Петра Гамильтона; за заслуги перед царем Михаилом Федоровичем Роман Франзбек на аудиенции в 1613 г. получил наградной золотой²⁷. В дальнейшем он участвовал в боях с казаками Захарьяша Зарутцкого, подавлял казачий мятеж. В 1618 г. он принимал участие в обороне Москвы от войск принца Владислава. Его преданность была вознаграждена: за «осадное сиденье» Роман Франзбек получил вотчины в Галичском и Суздальском уездах²⁸. Доблестью выделялся и Юрий Андреев Францбеков, также награжденный за оборону Москвы в 1618 г.²⁹

Но в Смуту на территории России действовали и иные представители рода Фаренсбах. Судя по более поздней «родословной сказке», на службе Ивана Грозного появился также и Виндрик Фаренсбах, оказавший царю содействие при подписании русско-польского договора 1570 г. Свидетельств о дальнейшем его пребывании на территории России не сохранилось. В конце XVI в. представители этого рода уже проживали в Московском государстве, вероятно, переселившись туда в период правления Бориса Годунова. Основным мотивом иммиграции, скорее всего, стали земельные затрудне-

ния: балтийское дворянство постепенно лишалось своих владений как в Речи Посполитой, так и в Швеции.

В русско-шведских переговорах 1609 г. участвовал шведский офицер, которого Видекинд именует Йохан Фаренсбах, а русские источники – Анц Францбек. Лейтенант Фаренсбах 2 августа 1609 г. был отправлен Делагарди из Твери в Москву к Василию Шуйскому. 16 августа представители Делагарди ротмистры Яков Декорбель, Индрик Душанфеес и Анц Францбек прибыли в Москву с целью разрешить проблему задержки выплат жалованья шведскому экспедиционному корпусу. Шведская сторона предлагала расплачиваться русскими территориями. В качестве первой компенсации был назван не столь давно утерянный шведами город Корела. 17 августа шведские ротмистры были на аудиенции у царя Василия Шуйского, на следующий день в Посольском приказе их принимал дьяк Василий Телепнев, а 19 августа они были на приеме у Дмитрия Ивановича и Ивана Ивановича Шуйских на Казенном дворе у Благовещения в паперти. Приглашение на царскую аудиенцию ротмистрам передал переводчик Иван Фомин, царские дары доставил на подворье переводчик Михаил Юрьев. Протокол миссии был завершен, 21 августа офицеры были приглашены по случаю отъезда к государю, а 22 августа выехали из столицы³⁰. Русское правительство вынуждено было принять условия шведского экспедиционного корпуса. Делагарди не забыл заслуг Фаренбаха, который был записан в «списке вечности» 1612 г. (список героев, получивших от Делагарди рекомендательные письма к шведскому королю с просьбой о наделении поместьями)³¹.

Представители рода Фаренсбах действовали и на польской стороне. Сын Юргена Фаренсбах – Ян (Иоганн) продолжил путь отца и принял участие в атаках на Псков и его окрестности. Он осаждал Псково-Печерский монастырь в 1612 г. сначала в составе отряда Лисовского, а затем под командованием Ходкевича. Планируя в 1617 г. поход на Москву, король Сигизмунд III рассчитывал на участие старшего сына Юргена – Вольмара Фаренсбаха, под командой которого предполагалось собрать 200 воинов³².

Трудно сказать, взаимодействовали ли шведские и польские представители рода с московскими родственниками. Несомненно, Алфер Францбеков знал о Юргене, Вольмаре и Яне Фаренсбах. Корпус Якова Делагарди, в который входил Йохан, первоначально был союзным Василию Шуйскому, поэтому осевшие в России члены фамилии на легальных основаниях могли поддерживать связь со шведским ротмистром. В установлении контактов им могли помочь другие члены иноземческого сообщества Москвы – переводчики Посольского приказа Иван Фомин и Михаил Юрьев. Нельзя исключать возможность поддержки поддержки Йохана Фаренсбаха русской ветвью династии. В дальнейшем связи с польскими и шведскими офицерами, если они существовали, могли запятнать репутацию Фаренсбахов в глазах династии Романовых. Быть может, стремление искупить прегрешения эпохи Смуты стало для сыновей Андрея, Алфера и Юргена, мотивом перехода в православие в 1627 и 1629 г.

Сохранили свое присутствие в России и другие потомки ливонских пленников: Отмустовы, Эверлаковы, Фонлюбцовы, Шварты и многие другие. Сведений о поддержке представителями этих родов какой-либо из воюющих сторон на протяжении Смуты до нас не дошло. Безусловно, на последнем этапе Смуты они проявили лояльность династии Романовых. Представители рода фон Висин вместе с другими жителями Немецкой слободы приносили присягу Лжедмитрию II. Однако ротмистр Денис фон Висин более запомнился участием в московских «осадных сидениях» времен Василия Шуйского и Михаила Федоровича. Среди переводчиков и толмачей Посольского приказа наиболее стойким сторонником законной власти оказался Иван Фомин. Весь период Смуты он бесценно находился в Посольском приказе, и, соответственно, верно служил Лжедмитрию I, Василию Шуйскому, был непосредственным участником осады Москвы войсками I Ополчения в 1611 г., а затем исправно служил Михаилу Романову. В конечном счете, он предстал настолько последовательным приверженцем правительства Михаила Федоровича, что ему позволяли исполнять обязанности русского дипломата. Ярко проявили себя и другие переводчики Посольского приказа. Так, Еремей Еремеев Вестерман в 1608 г. доставлял царские грамоты на Белоозеро к

пленным полякам. В 1612 г. он был направлен к императору Рудольфу в качестве гонца от кн. Д.М. Пожарского. Переводчик Елисей Павлов в 1614 г. отвозил царские указы в войско кн. Д.Т. Трубецкого, пытавшегося отвоевать у шведов Новгород³³.

Сложным в Смуту оказалось положение иностранных купцов. Не многим из первоначальных представителей страты «московских торговых иноземцев» удалось пережить Смуту. Например, московская ветвь фамилии Бракилевых к 1617 г. прекратила существование: старшее поколение умерло (на русско-шведских переговорах с участием перебежчика Анца Бракилева было отмечено, что его «родители все на Кокуе лежат»). Нижегородская ветвь рода сохранилась в России и после событий Смутного времени. Сын принявшего российское подданство при Борисе Годунове Артемия Бракилева Еремей служил в Иноземском приказе в чине рядового и был испомещен по Нижнему Новгороду. В 1628–1633 гг. Нижний Новгород, располагавшей и наиболее крупной после Москвы колонией иностранцев, стал прибежищем для многих иммигрантов. Бракилевым пришлось сменить род деятельности: из купцов они перешли в военные. Еще один «московский торговый иноземец» периода правления Бориса Годунова, Роман Бекман, также не был в дальнейшем купцом. Он служил в Архангельске в должности толмача³⁴. С его смертью род его в России пресекся.

Но некоторым ливонцам все же удавалось сберечь капитал. В коммерческой сфере остался Андрей Керклин. Он упоминается как «московский торговый иноземец» до 1620 г.³⁵ «Московскому торговому иноземцу» Юрию Андрееву Буку (сыну «палатника» из Дерпта) удалось основать купеческую династию, которая длительное время существовала в России. Сам он, видимо, не пережил Смутного времени – его имя исчезает из документов. Но его сын Андрей Юрьев Бук, которому в 1599 г. было 20 лет, продолжил дело отца и смог вступить в привилегированную корпорацию. Он упоминается как «московский торговый иноземец» до 1628 г. Параллельно семейное дело развивал его сын, также удостоившийся зачисления в «московские торговые иноземцы»: Андрей Андреев Бук известен по источникам с 1616 по 1638 г. В 1638 г. в документах обнаруживается имя Томаса Бука³⁶. Более того, число носителей этой фамилии в России в период Смуты даже увеличилось. «Свейские земли выезжий немец» Арент (Ари) Бук перешел из ставки Делагарди на русскую сторону. Он мог быть как однофамильцем купцов, переселившихся в Москву из Ливонии в конце XVI в., так и их родственником из шведских владений Ливонии. Ари Иванов Бук входил в одну из рот «служилых иноземцев», а затем был зачислен в Посольский приказ на должность переводчика со шведского и немецкого языков³⁷. До конца XVII в. в России действовали представители семьи Вестовых. Под вопросом остается их связь с Тимофеем Ивановым и Андреем Вестовыми. С некоторой долей вероятности можно предположить родство Тимофея Иванова Вестова и купца Павла Иванова Вестова. Последний известен как «московский торговый иноземец» с 1610 по 1620-е гг. Он был жертвователем «старой» лютеранской кирхи св. Михаила. Не исключено, что Тимофей и Павел были братьями. Кроме них в России с 1616 по 1629 г. занимался коммерцией Юрий Вестов³⁸.

Некоторые ливонцы в условиях Смуты сумели приумножить свое богатство. Андрей Ульянов Дюкер, упомянутый в 1599 г. как родственник «московских торговых иноземцев», впоследствии сам вошел в корпорацию. Этому способствовал удачный брак: он женился на Анне, дочери Романа Юрьева Резвого. Матерью его избранницы была Дарья, двоюродная сестра Юрия Бука. Таким образом, Анна Дюкер была связана родственными линиями с двумя «палатниками» из Дерпта – с Юрием Резвым и Андреем Буком-старшим. Подобные семейные связи обеспечили успешное ведение торговли. Кроме того, как и Бракилевы, Андрей Дюкер, пережил Смуту в более благополучном, в сравнении с Москвой, Нижнем Новгороде. После стабилизации политической жизни дело Андрея Дюкера, возможно, при помощи Буков, расширилось. Он сам уже оказывал поддержку новым иммигрантам. Дюкер выдал свою дочь замуж за английского купца Джона Барнсли, быстро получившего титул «московского торгового иноземца»³⁹.

Сумел оказать услуги различным правителям нидерландский купец Геррит ван дер Хейден. Он обосновался в Новгороде в самом начале XVII в., в период страшного голода, когда нидерландские купцы активно включились в поставку в Россию хлебных продуктов⁴⁰. Хлеботорговля в разоренной голодом России не могла не приносить доходов. Богатый торговец пережил оккупацию Новгорода. В 1615 г. он ссудил на год (очевидно, вынужденно) Якову Делгарди крупную сумму – 8 500 ефимков (долг так и остался невозвращенным)⁴¹. К этому времени купец успел установить связи и с Москвой. В том же 1615 г. он примкнул к Рейнгоуту ван Бредероде, Дидериху Бассу и Альберту Иоакими, направленным в Россию правительством Нидерландов посредниками в русско-шведских переговорах. Нидерландские послы опасались передвигаться через охваченную казацкими мятежами территорию. Их миссию выполнил ван дер Хейден, доставивший в конце 1615 г. из Старой Русы в столицу письма посланников. Как нидерландский гонец он удостоился приема в Посольском приказе и аудиенции у царя Михаила Федоровича, был награжден соболями и получил звание «московского торгового иноземца»⁴². Заслужив царское благоволение и укрепив связи с правительством Генеральных штатов, ван дер Хейден сумел выхлопотать разрешение на хлебную закупку. В 1616 г. он доставил из Голландии в Новгород, опустошенный войной и испытывавший острый недостаток продовольствия, 1500 четвертей хлеба, ржи и ячменя. Нидерландский купец продал зерно в казенные амбары по цене, значительно уступающей рыночной (по 2.5 руб., в то время как на рынках города хлеб стоил 3.5 руб.). На следующий год, после освобождения города от шведского гарнизона, ван дер Хейден осуществил еще одну крупную поставку хлеба: отправил более 3 тыс. четвертей дешевого хлеба в государственные кладовые Новгорода и Ладogi. Вновь его цена была ниже средней: 1.5 руб. против 2 руб. русских торговцев. За услуги правительству ван дер Хейден получил в 1619 г. жалованную грамоту, позволяющую свободно передвигаться от Новгорода и Пскова к Москве, а также иметь в перечисленных городах свободные от тягловых пошлин дома⁴³. Он в полной мере воспользовался льготами, став одним из наиболее богатых иностранных купцов в России первой половины XVII в., и прочно вошел в корпорацию «московских торговых иноземцев», чему способствовал его брак с вдовой Даниэля Эйлофа⁴⁴.

«Московские торговые иноземцы» неоднократно использовались властями для установления внешнеполитических контактов. Дипломатические услуги правительству позволяли многим иностранным купцам вступить в эту привилегированную страте. Так Андрей Андреев Келдерман, по его же словам, «служил... с послами дважды в Аглинской земле для перевода и толмачества, потому что в то время переменить было некем»⁴⁵. Купец сопровождал в качестве переводчика русские посольства в Англию в 1613–1614 гг. и в 1617 г.⁴⁶ В 1615 г. он готовился к поездке в Англию с миссией И. Грязева, однако власти заменили его другим иностранцем – англичанином «Ромашкой Григорьевым». Андрей Келдерман продолжал исполнять поручения правительства и в дальнейшем, в частности, в 1633–1634 гг. занимался продажей пушнины в Риге для пополнения средств казны⁴⁷. К 1650 г. он постоянно участвовал в работе Посольского приказа: «А после того по вся года служба ево есть: как приходят из Аглинские земли листы королевские или иное какие свидетельственные грамоты переводить, и он, Андрей, переводчику Ивану Фомину пособляет, потому что тот Иван один и ныне устарел». Сын Андрея, Томас (Фома) Келдерман, еще более активно привлекался правительством для дипломатических миссий⁴⁸.

Другой «московский торговый иноземец», Еремей Пантелеев Марсов, был направлен с миссией Н. Киреевского в Англию в 1617 г. Купцы Елисей Юрьев и Болдвин Николаев Захарьев принимали участие в посольствах во Францию и Голландию в 1615–1616 гг. Купец Андрей Ишкель исполнял переводы при посланниках в Империю в 1616–1617 гг. «Московский торговый иноземец» Ефим Ефимов в составе посольства Баклановского побывал в Дании и Голландии в 1617–1619 гг. В Новгороде к переводчику Посольского приказа Тимофею фон Немену был приставлен для переводов со шведского языка «торговый немчин» Тимофей Тиль. «Московский торговый иноземец»

Андрей Керклин в 1621 г. посетил Вену, Берлин, Дрезден, Лондон, Париж, исполняя правительственный наказ о найме специалистов по разным ремеслам⁴⁹.

Потрясения Смуты не обошли стороной иноземческое сообщество. В затянувшемся на десятилетие с лишним кровопролитии, «перелетах», сражениях, погромах и метаниях погибло большинство «иноземцев старого выезда». Их имена исчезают из источников. Были убиты Борис и Юрген Фонвизины. Некрас Толмачов («Цысарские земли с Зевенберья») перебрался в провинцию: «В Московское разоренье съехал он в Суздаль». Выжившие зачастую не могли найти «знатцев» – свидетелей своей прежней службы в России. Показательны слова Толмачова: «а сыскать про него... некем, что старые иноземцы повыбиты»⁵⁰. Смутное время нанесло огромный урон и внешнеэкономической торговле. Фактории повсеместно разорялись, в погромах и грабежах гибли люди. Купеческие корпорации несли огромные убытки и уходили из России. Выжженная Немецкая слобода Москвы запустела.

Несомненно, что пережившие потрясения начала XVII в. и оставшиеся в России «старые иноземцы» на последнем этапе Смуты проявили себя сторонниками династии Романовых. Доказавшие верность царю Михаилу Федоровичу иностранные военные награждались вотчинами и стали основой формирования «немецких» подразделений. Роту «старых иноземцев» возглавил «выведенец» Денис Фанвисин. Под его началом воевали в основном поместные иноземцы «старого выезда». Но новому правительству потребовалось пополнять группы «служилых иноземцев» и «московских торговых иноземцев». В подразделения иностранных военных вливались пленники из шведской и польской армий и отрядов самозванцев, а также новые иммигранты. Стабилизация экономической жизни привела к возрождению торговой деятельности с Западом. В Россию приезжали и обосновывались новые иностранные купцы, некоторые из них получили доступ в страту «московских торговых иноземцев». Укрепление царской власти, завершение «безгосударного времени» обеспечили последовательное увеличение количества иноземцев в России на всем протяжении XVII в. вплоть до петровских преобразований.

Примечания

¹ *Опарина Т.А.* Проблема источников депортаций ливонских пленников в Россию // Балтийский вопрос в конце XV – начале XVI вв. Сборник научных статей. М., 2010. С. 239–268.

² *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 357, 359–363, 369, 374; *он же.* Переводчик Посольского Приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI – середины XVII века // Иноземцы в России XV–XVII веков. Материалы международной конференции. М., 2006. С. 245. См. также: *Опарина Т.А.* Потомки Данила Рыхторова на службе русских государей XVI–XVII веков // Человек и мир человека. Сборник статей всероссийской научной конференции 26 июня 2006 г. Вып. 3. Ч. 1. Рубцовск, 2006. С. 282–311.

³ *Опарина Т.А.* Ливонские пленники в политической борьбе Бориса Годунова // Средние века. 2009. Вып. 70 (1–2). С. 273–302.

⁴ *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 гг. // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 108.

⁵ *Kaatin-Jarcev M.* Deutschbaltischer Adel in russland // Der Finische Meerbusen als Brennpunkt. Wandern und Wirken deutschsprachiger Menschen im europäischen Nordosten. Helsinki, 1998. P. 53.

⁶ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007.

⁷ *Скобелкин О.В.* Служилые «немцы» – участники Смуты: опыт реконструкции персонального состава в 1604–1612 гг. // Средние века. 2012. Вып. 73 (3–4); *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 357.

⁸ РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 13, д. 7, л. 548–559.

⁹ *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедимитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де

Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 343; *Буссов К.* Указ. соч. С. 109.

¹⁰ «“Золотой век” Ярославля»: Опыт культурографии русского города XVII – первой трети XVIII века. Историко-культурная хроника и библиография. Ярославль, 2004. С. 19; *Генкин Л.Б.* Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939; *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России: Первая четверть XVIII в. М., 1994; *Тюменцев И.О.* Смуты в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 241.

¹¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1841. № 101. С. 133–134; *Тюменцев И.О.* Указ. соч. С. 362; *Петрей П.* Указ. соч. С. 343. См. также письмо Т. Бьюгона Я. Сапеге: Сборник кн. Хилкова. СПб., 1897. С. 17–18.

¹² Ср. мнение С.Ф. Платонова: «Остережемся приводить рассказы Буссова об Эйлове и Шмидте, которым он готов приписать главное значение в городском движении 1608 г.» (*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 395).

¹³ *Буссов К.* Указ. соч. С. 110.

¹⁴ Там же; *Петрей П.* Указ. соч. С. 346.

¹⁵ *Тюменцев И.О.* Указ. соч. С. 359, 361, 362; *Бычков Ф.А.* Заметка о хронографе ярославского священника Феодора Петрова. М., 1890. С. 11. О Лисовском и «лисовчиках» см.: *Wisner H.* *Lisowszycy*, Warszawa, 1976.

¹⁶ *Лебедев А.* Храмы Крестовоздвиженского прихода в Ярославле. Ярославль, 1879. С. 3; «“Золотой век” Ярославля»... С. 20.

¹⁷ *Буссов К.* Указ. соч. С. 113–114; *Петрей П.* Указ. соч. С. 346.

¹⁸ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. II. М., 1819. № 184. С. 368–369.

¹⁹ *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. Кн. 1. М., 2007. С. 176–180.

²⁰ *Kaatin-Jarcev M.* Op. cit. P. 55.

²¹ *Тихонова А.В.* Род Ангельгардов в истории России XVII–XX веков. Смоленск, 2001. С. 19–20; *Булычев А.А.* Материалы к биографии звенигородских вотчинников и помещиков первой половины XVII в. Д.А. и М.Д. Крабовых. Генеалогические исследования. М., 1994. С. 112–127; *он же.* Жалованные грамоты 1593–1610 гг. из архива выезжих иноземцев Крабовых // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 384–395.

²² *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 363, 369; *Kaatin-Jarcev M.* Op. cit. P. 57.

²³ *Опарина Т.А.* Род Фаренсбахов во второй половине XVI в. // Человек в пространстве и времени культуры: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Человек и мир человека». Барнаул, 2008. С. 40–86; *она же.* Францбеков Д.А. // Немцы России. Т. 3. М., 2006. С. 551–552; *она же.* Фаренсбах Юрген // Там же. С. 505–506.

²⁴ *Скобелкин О.В.* Западноевропейцы в русском войске XVI века // Исторические записки: Научные труды исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 8. Воронеж, 2002. С. 49–63.

²⁵ РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 10752, л. 506 об.–515а об. В споре за землю между «немчином» Артемием Артемьевым сыном Мустом и Иваном Андреевичем Францбековым указано, что долей последнего владел ранее его отец. См. также: *Лантева Т.А.* Земельные владения иноземцев в Московском уезде 16 – начале 18 в. // Иноземцы в России 16–17 вв. М., 2006. С. 285. В 1639 г. Д.А. Францбеков заложил деревню: «а в тех деньгах Дмитрей заложил... старинную отца своего деревню Копнино» (РГАДА, ф. 235 (Патриарший Казенный приказ), оп. 2, д. 12 (1640 г.), л. 193 об.).

²⁶ *Литинский М.А.* Писцовые книги Углицкого уезда в XVII в. // Временник Демидовского Юридического лицея. Ярославль, 1888. Кн. 44. С. 263; *Ивина Л.И.* Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV – первой трети XVII (на примере Угличской земли) // Средневековая и Новая Россия. Сборник научных статей. СПб., 1996. С. 364.

²⁷ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ). Т. 28. М., 1912. Стб. 776.

²⁸ Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Вып. VIII. М.; Варшава, 2009. С. 78, 360, 363; Материалы для делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 1. СПб., 1906. С. 452.

²⁹ Осадный список 1618 г. С. 109.

³⁰ *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000. С. 81, 577; *Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба в России в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 481; *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале 17 в. СПб., 2008. С. 425; Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 117 и след.; *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 357, 363.

³¹ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 256.

³² *Polski słownik biograficzny.* Т. VI/4. Krakow, 1947. С. 369; *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 241, 601; *Гаврон П.* Войска «иноземного строя» во время войны Речи Посполитой с Московским государством (1609–1618 гг.) (в печати).

³³ *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 357–358, 360–362.

³⁴ *Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007. С. 148.

³⁵ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России XVII в. Вып. 2. М., 1994. С. 96.

³⁶ Там же. С. 95.

³⁷ *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 368–369; *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 449.

³⁸ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 2. С. 95.

³⁹ *Опарина Т.А.* Иноземцы в России... С. 64–67.

⁴⁰ Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 223, 225. См. также: Донесения посланников республики соединенных Нидерландов при русском дворе. Отчет Альберта Бурха и Иогана фан Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг. с приложением очерка сношений Московского государства с республикой соединенных Нидерландов до 1631 г. СПб., 1902.

⁴¹ *Ноздрин О.Я.* Воин, инженер, предприниматель. Дела и служба Александра Крофорда в Московском государстве (в печати).

⁴² *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 279, 337.

⁴³ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России XVII в. Вып. 1. М., 1994. С. 51, 88.

⁴⁴ *Опарина Т.А.* Иноземцы в России... С. 189–191.

⁴⁵ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 2. С. 96; ОПИ ГИМ, ф. 450 (Барсков), № 82 (дела Посольского приказа), л. 54.

⁴⁶ *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 172; *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 131.

⁴⁷ «А после того... отсылан он для государевых надобных дел в Ригу один. А с ним послано было государевы казны соболей и пупки и горностаев и белок болши десяти тысячи рублей. И жил в Риге полтора года». (ОПИ ГИМ, ф. 450 (Барсков), № 82, л. 54).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 2. С. 96, 97; *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 172; *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 131.

⁵⁰ *Kaatin-Jarcev M.* Op. cit. P. 56; РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 166. Стб. 639.

© 2012 г. В. Н. КОЗЛЯКОВ*

МОСКОВСКОЕ И УЕЗДНОЕ ДВОРЯНСТВО ПОКОЛЕНИЯ СМУТЫ

Московское и уездное дворянство поколения Смуты – это стольники, стряпчие, московские дворяне (чин), жильцы, выборные дворяне, служба которых в основном пришлась на первые десятилетия XVII в. Завершая свой труд о Смутном времени, С.Ф. Платонов писал о поражении «старого боярства» и выигрыше «средних общественных слоев». Он считал, что «Смута... выдвинула вперед простого дворянина и

* **Козляков Вячеслав Николаевич**, доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-01-00183а «Дворянство Московского государства в 1613–1682 гг.».